

Часть I *Allegro moderato*

Отупляющий полуденный зной принуждал Татьяну шагать по тротуарам городка, выбирая путь в тени домов или редких деревьев. Благо, на узких улочках машины появлялись редко, и перейти на ту сторону, где прохладнее, было не затруднительно. Пляжникам, частыми стайками маячившим тут и там, было легче – они оголили плечи, колени и животы, а она шла к месту своей нынешней работы в длинной, до щиколоток юбке, в платке, обнимающем голову, с узлом на затылке. Она им не завидовала. Своё женское сознание Татьяна утихомирила, хотя грешное тело иногда буянило и приходилось к усмирению призывать молитву. Пока помогает, значит, дальше станет ещё свободнее.

Вышла на бульвар, тянущийся вдоль пляжей, и в аллее пожилых клёнов нашла ожидаемую прохладу. На небольшой площадке, огороженной тремя скамейками, её терпеливо ожидал инструмент, закутанный в целлофан от возможного дождя. Вчера весь день был солнечным, а вечером разразился серьёзный ливень с грозой, едва успела завернуть пианино в спасительную плёнку. Всё равно чувствовалось, как повышенная влажность воздуха влияет на звучание. Не слышно той звонкой чистоты, которая радовала Татьяну в былые времена. Разоблачила пианино, откинув крышку, начала раскладывать ноты на подставке и, не удержавшись, пробежалась пальцами по клавишам. Звук вроде оставался таким же, как и вчера, до небесного потопа, но всё же глуше, нежели месяц назад, до уличных испытаний. Вздохнула и утешилась мыслью, что кроме неё об этом никто и не узнает. Поставила на землю «благотворительную коробку», села на принесённый с собой раскладной стульчик и заиграла «Прелюдию соль-минор» Рахманинова. Последние четыре дня она начинала свои выступления именно с этой тревожной музыки, зовущей подняться на вершину духа и умиротворённо оглядеться вокруг, просто наслаждаясь покоем.

Сейчас ей не приходилось напрягаться, как в первые концертные дни и вечера в таком непривычном месте. Просто играла ту музыку, которая, по её мнению, приятна слуху людей без высоких затей, но желающих мысленно собой полюбоваться. Композиторы раскладывали свои души на звуки и соединяли их в мелодии, всё же для слушающего и понимающего человечества, а не только для удовлетворения своей неуёмной страсти: прозвучать, прозвенеть сегодня и не затихнуть без следа, когда самого похоронят. Простодушный человек приезжает на берег солёного алтайского озера отдохнуть от повседневной суеты и находит здесь ожидаемый набор приятных ощущений. Днём, под горячим солнцем полежит на воде, словно во сне на облаке, а в сумерках отправится «зажигать» в ночной клуб, на пляски с пивом и коктейлями. Только в голове почти у

каждого гуляющего притаилась мысль, что он вовсе не какая-то «недотыкомка серая», что он своего журавля в небе имеет и ему тоже внятна гармония классической музыки. Проходя по скверу, он замрёт рядом с пианисткой и, прежде чем продолжить свой путь, положит денежку в «благотворительную коробку».

Эта денежка нужна Татьяне не для прокормления своего неприхотливого тела и не для облегчения доли нынешних страждущих, несмотря на многозначительно ей названную коробку для сбора купюр и монет. На авантюрный концертный тур в курортное местечко преподавательницу Бийской музыкальной школы подвигло желание помочь сыну расплатиться с банком по ипотечному кредиту. Скучно и просто, как 21 год назад, когда моложавый, хоть и не совсем молодой тренер по плаванию пригласил замуж девятнадцатилетнюю девушку Таню. Не шибко ей этого и хотелось, но вроде надо, коли предложено. В хохочущем, цветастом хороводе сверстниц-прелестниц она не участвовала и их уверенности, что если не сейчас, то потом, у неё не имелось. Женский инстинкт советовал соглашаться. Энергичный тренер вскоре перешёл в другой бассейн, обучать плаванию иных девушек, имеющих в этом надобность, оставив её радоваться материнству наедине с собой. Сын стал мужем в прошлом году и принялся обустривать отдельное семейное гнездо, не имея для таких решительных деяний собственного опыта и ресурса. Посмотрев с тревожной грустью на его неудачные старания, она в каникулярное время втихомолку выехала на заработки в курортный городок, где прошло её детство и в квартире младшей сестры сиротливо скучало пианино, из которого она когда-то извлекла первые для себя волнующие звуки. Теперь снова друг друга порадуют и заодно материальное положение пианистки улучшат.

В её детские времена городок Яровое курортным не обозначался, потому что советский народ в своём большинстве ездил отдыхать по редко и счастливо выпадающим профсоюзным путёвкам в другие места. Солёное озеро, обнимающее поселение, являлось просто несуразным элементом местного ландшафта, из которого ни воды взять для хозяйственно-питьевых нужд, ни рыбки путёвой выловить. Учёные какие-то периодически появлялись, но проку, то есть достатку, от них не было. Население в основном трудилось на местном химическом заводе, который, как ему и положено, исчез вместе с былым государством.

В теперешние летние месяцы местные жители зарабатывали сдачей внаём квартир, комнат, коек, а зимой жили на то, что им заплатили за сон, еду, туалеты любители жаркого солнца, солёной воды и ночных плясок. Все были довольны. Оставляющие деньги – от того, что, оказывается, для разнообразия жизни не нужно лететь за тридевять земель и тратиться в несколько раз больше. Получающие деньги утешались тем, что могут добывать средства на существование, не напрягаясь, доверяя нуждающимся людям ключи от своих квартир, сами временно подселаясь к родственникам и друзьям. Ещё трудились за прилавками, продавая туристам всякую сувенирную чепуху. Сестра Валентина каждое утро садилась в фанерный киоск, разрисованный цветочками, торговать чёрной иловой грязью, извлечённой со дна озера и расфасованной в ведёрки из-под майонеза. Грязь считалась лечебной и пользовалась спросом у людей с больными суставами. На пляже всегда можно увидеть фигуру, вымазанную

илом выборочно, местами, а то и совсем чёрную, только с белым лицом. Дети и непосвящённые взрослые поначалу слегка пугаются, потом быстро привыкают и украдкой улыбаются.

Световой день, пережив свою зрелость, вступал в пожилой возраст, и на аллее прибавлялось количество разгуливающих людей, утомлённых солнцем. Татьяна играла, останавливаясь лишь для того, чтобы переставить ноты, дать небольшой отдых рукам и заодно посмотреть на лица слушателей, ненадолго появившихся на пяточке. Ей нравилось погружаться в такое состояние, когда в собственном упоении от музыки она переставала думать о том, как её воспринимают люди, слышат ли они вообще её игру. Иногда она всё же непостижимо чувствовала, что где-то рядом находится человек, слушающий её с благодарным вниманием. Вот и сейчас ощутила затылком, что такой слушатель объявился. С последними аккордами «Рондо» Моцарта она обернулась и увидела сидящего на скамейке мужчину с напряжённым взглядом. Спина его была выпрямлена, руки лежали на коленях. «Наверное, в такой позе пассажир ожидает, когда терпящий аварию самолёт в землю врежется», – такая курьёзная мысль появилась у неё, и ободряюще улыбнувшись, спросила:

– Что бы вы хотели сейчас услышать? Скажите, я сыграю.

Мужчина неуклюже улыбнулся:

– Если можно, первую часть сороковой симфонии того же автора.

– Конечно можно, никто нам не запретит Моцартом восхищаться.

Раскрыла на подставке нужную нотную страницу и опять обернулась. Смущение слушателя частично ей передалось.

– Сейчас вы услышите эту музыку, но должна предупредить: инструмент с трудным звучанием. Повышенная влажность сказывается. Пианино целый месяц круглосуточно живёт в таких условиях. И ещё момент: для исполнения этого произведения возможности фортепиано все же весьма ограничены по сравнению с симфоническим оркестром.

Мужчина махнул рукой:

– Ах, что вы, право, я ведь не в концертном зале и к тому же не музыкальный гурман, а простой русский строитель.

Она коснулась клавиш, чуя вдохновение оттого, что играет именно для «простого русского строителя» с глазами ребёнка, ждущего чуда, и терпеливым лицом утомлённого мужика, знающего, что чудес не бывает. Маленькое диво всё же состоялось: пианино вдруг зазвучало звонко, словно и не подвергалось суровым испытаниям последнего месяца. Летая с Моцартом, не оборачиваясь, она видела тяжёлые мужские ладони, опущенные между ног, горбатый нос и строгую складку между бровями человека, ей неизвестного, увиденного несколько минут назад. «Что это? Зачем мне это? Не нужно мне эдаких беспокойств. У меня есть сын, есть музыка, есть разум и душевный покой, и не нужно этих складок между бровями незнакомого мужчины», – так пыталась она встать на натопанную дорожку, по которой привыкла ходить много лет. Дорожка получилась от квартиры до музыкальной школы, с маленькими тропинками-ответвлениями в сторону концертного зала местной филармонии и до жилищ людей близкого круга. В последние пять лет разнообразила свою жизнь походами в

православную церковь, где набиралась сил, чтобы противостоять искушениям.

Отзвучало «Allegro moderate», Татьяна повернулась вполоборота, неожиданно для себя пытаясь придать этому простому движению давно забытое изящество. Мужчина, поднявшись со скамейки, приблизился к ней.

– Благодарю вас, сударыня, сегодня вы подарили мне маленький праздник. Прозвучало торжество духа над плотью, – он рассмеялся. – Вот как я красиво заговорил. Это под влиянием музыки Моцарта и вашей – вы сегодня были для меня единым чудом.

Он прижал руку к своей груди, склонил голову и, пока она искала слова для ответа, повернулся и, положив купюру в коробку, пошёл поперёк сквера, куда-то в сторону большой дороги. Татьяна вдруг обнаружила в себе странную мысль, что для неё важнее факт знакомства с этим человеком, а вовсе не его деньги. «Мой дух так долго над плотью торжествует, что для разнообразия существования, мог бы немного уступить».

От сомнительных помышлений отвлекла внезапно объявившаяся молодая женщина в закрытом синем купальнике, заинтересованно разглядывающая клавиши. На вечернюю прогулку люди обычно надевали соответствующие наряды: свободные, но всё же не купальные, а эта дамочка была в том же, в чём вышла из воды. Татьяна спросила, что девушка хотела бы услышать. Девушка покачнулась, словно возвращаясь в суровую реальность из иного мира, и прошептала:

– «Осенний вальс» Шопена, пожалуйста, очень вас прошу.

Татьяна заметила, что почитательница Шопена серьёзно пьяна, но отнеслась к такому факту весьма снисходительно и терпеливо, наученная курортной публикой и собственным православным сознанием, к которому, с прилежностью неопита, старалась прислушиваться всегда и везде. Когда полилась мелодия, женщина, опершись на пианино, уронила разлохмаченную голову на руки и тихо зарыдала. Ноги её, подгибаясь в коленях, стукались о корпус инструмента, выпрямлялись от удара и опять стукались. Возник мужчина в цветастых шортах и осторожно попытался отлучить её от музыки и увести с собой. Она подняла на него искажённое плачем, но всё же красивое лицо.

– Коля, позови детей, они должны слышать эту божественную мелодию. Это же Шопен!

Муж что-то терпеливо говорил её в ухо, она его не отталкивала, но упорно не хотела разлучаться с источником. Он искательно оглядывался, махал кому-то рукой, и на его призыв наконец явились мальчик и девочка детсадовского возраста. Мама притиснула их головёнки к своему животу, уняла плач и так стояла, запрокинув мокрое от слёз лицо к небу, шевеля губами, пока звучал Шопен. Мужчина обнял её за плечи и, прислонив к себе, повёл по аллее. Дети с испуганными лицами наперебой прижимались к материнскому телу с другой стороны. Татьяна заметила, что на асфальте остались лежать одинокие шлёпанцы, покинутые хозяйкой. Пожалела босые женские ступни, но тут же, по инерции, грянула «Седьмой вальс» того же композитора и привычно забылась.

Её рабочий концертный день заканчивался в 8 часов вечера, когда неподалёку появлялись со своими трубами и пюпитрами музыканты духового оркестра.

Могучее дыхание вальсов, полек, маршей и танго позволяло танцевать людям соответствующего настроения и делало слабо различимыми музыкальные старания Татьяны. Она ссыпала свой заработок из коробки в тряпичную сумку, висящую на шее, закутала пианино в целлофан и присела за столик в уличной кафешке подкрепиться пирожком и чаем.

Энергия была нужна, чтобы ещё в церкви постоять. Сегодня она испытывала в этом особую необходимость: вместо чистых помыслов в голове замаячили смутные, беспокойные желания. Её радостная уверенность в правильности выбранного пути вздрогнула и задрезжала всего лишь от нечаянно увиденных серых глаз и жилистых рук. За два десятилетия безмужней жизни она иногда оказывалась рядом с мужчиной, когда можно было легко положить свою руку на крепкую шею и ощутить себя желанной в своей женской сути, а не в умных разговорах. Её несло течение туманной реки, а в душе звучала органная музыка. Потом туман испарялся, проступившие чёткие очертания крутых берегов давали понять, что здесь плавать опасно, а то и совсем невозможно. Музыка умолкала, и в наступившей недоуменной тишине аплодисментов не слышалось. Финал концерта опять был неудачен.

Желание пересесть со стула на мужские колени возникало всё реже и вовсе исчезло, когда она запела в церковном хоре, надела длинную серую юбку и туго повязала голову платком. Однако это только казалось: сегодняшняя нечаянная встреча с «простым русским строителем» обнаружила, что она по-прежнему слаба перед лукавым. В небольшой уютной церкви вечерняя литургия близилась к завершению. Совсем по-домашнему звучал акафист Пресвятой Богородице, выпеваемый тремя пожилыми женщинами, пришедшими в церковный хор из кружка самодеятельности местного дома культуры химзавода в лихие девяностые. Татьяна заставила себя мысленно не петь с ними, чтобы полностью отдаться своей неотложной молитве. Проходивший мимо знакомый пожилой священник ответил на её полупоклон кивком головы, но, заметив во взгляде прихожанки испуганную сокрушенность, остановился и вопросительно наставил на неё пушистую бороду. Татьяна уже смотрела в пол, не проявляя исповедального порыва, и он двинулся к выходу.

Когда шла домой, дневная жара незаметно переменялась на вечернюю прохладу, ступалось свободно и легко. Подол юбки вольно реял чуть позади её скорых ног, облеплял плавные очертания бёдер, и некому было полюбоваться летящей походкой пианистки, идущей из церкви. Откуда-то из-за спины, с берега, долетали звуковые ошмётки от начавшегося на танцплощадке буйства молодых организмов. Напористо и агрессивно кричали и визжали в микрофон, что-то ухало и трещало. Наверное, это тоже музыка, – подумалось Татьяне. – Но я завтра всё равно сяду за клавиши.

Она усмехнулась:

– Ну вот, это уже ладнее, чем самоедством заниматься.

Причину перемены настроения так и не уяснила, и разбираться не хотелось. Значит, какие-то неведомые ветры гуляют в мозгах, а когда ветерок приятен, нечего дознаваться, откуда он дует. Шагала мимо вереницы одноэтажных, шлакоблочных домов, цепью протянувшихся до конца просторной улицы с узкой

дорогой и без тротуаров. Широкое пространство от дорожной бровки до палисадников заросло высокой травой, и если не смотреть по сторонам, возникает ощущение, что идёшь диким лугом. В одном из этих стандартных строений она сейчас устроилась жить на время своих гастролей. Когда-то там было её детское гнездо, из которого Татьяна улетела в Барнаульское музучилище постигать искусство фортепьяно. Химзавод, на котором её родители зарабатывали на свою жизнь и одновременно её морили, застроил несколько улиц такими домами, по две квартиры в каждом. Вот тебе работа, вот тебе жильё. Они умерли почти враз, надышавшись в цехах какой-то убийственной химией, так и не увидев ни одного своего внука. Татьяна родила своего Витечку в Барнауле, когда мать лежала в местной больнице с дыхательным аппаратом в изголовье, а отец, отказавшись от госпитализации, задышался в квартире. Эмфизема лёгких у него почему-то отступала после третьей стопки водки, но это только казалось, на самом деле она по-прежнему разъедала его дыхательные пути, и он умер хмельным, сидя в дворовой беседке, увитой зелеными стеблями хмеля. Сестра Валя привела домой мужа, когда родителей в живых уже не стало, а потом одного за другим принесла туда же мальчика и девочку. Так и разминулись на этом свете дедушка, бабушка и внуки.

Зайдя в свой дворик, Татьяна увидела за штакетником в огороде задницу сестры в залатанном трико, торчащую из буйной картофельной ботвы.

– Валя, ты чего там? Неделю назад ведь окучивали.

Огородница резво распрямилась.

– Сорняки так и прут. Видать, привольно им в чернозёме. Зря, наверное, Костя в этом году опять самосвал припёр. Ещё не весь раскидали.

Сдвинув брови, внимательно пригляделась к Татьяне:

– А ты, однако, сегодня какая-то не такая. Как будто на гулянке побывала. Поди, втихушку на дискотеку шастаешь, а нам гонишь, что в церкву. А ну признавайся, не то сама дознаюсь, и ремня получишь, не смотри, что младшая, я теперь баба солидная и строгая, у меня не забалуешь.

Обе легко засмеялись, причём Татьяна как-то смущённо и в то же время чуть горделиво, что её в таких проказах хотят уличить. Предложила:

– Я сейчас мигом переоденусь и к тебе присоединюсь. Помнишь, как мамка нас с тобой на деляну выставляла с заданием окучить двадцать рядов до обеда?

Валя махнула рукой:

– Ничё не надо, я и так здесь полдня бузыкаюсь. Грязь сегодня влёт расхватали, аж не хватило на всех желающих. Я доложила по телефону, а добавки не привезли, говорят, нету пока. Надо свой навоз предложить, вон в углу ещё целая куча прееет.

Она опять хохотала и стала совершенно той Валькой, которая в пятом классе с пацанами пинала футбол и лазила по пожарной лестнице на крышу школы, а в восьмом на уроке физики мальчика стукнула в глаз, когда он потрогал её коленку под партой. Хороший фингал получился, и над юным сладострастником вся школа неделю потешалась. С крыльца донёсся голос её мужа Кости:

– Эй, веселушки, ужинать вместе будем али как?

Она окунула чёрные ладони в бочку:

– Идём, Костя, идём, последнюю корочку поровну делить, не то ты один её сгрызёшь.

Ужинали в зале, за большим столом, хотя обычно для этого дела использовалась кухня. С появлением Татьяны приём пищи устраивали чуть ли не торжественно. На статус гостьи она, конечно, не тянула, но виделись редко, и нынешнее совместное житьё хотелось украсить немного возвышенными манерами. Валентина накрывала на стол, когда из своей комнаты выглянула дочь Света.

– Митька звонил, сообщил, что сегодня химию сдал, теперь только русский язык остался.

Не дожидаясь реакции, исчезла. Сын Дима сдавал вступительные экзамены в Томский медицинский университет. Недалёко, всего лишь 12 часов на автобусе. Татьяна сейчас занимала его комнату.

Светочке исполнилось 16 лет, и летние курортные нравы стали дурно влиять на её девичий разум и поведение. Вчера она вернулась с вечерней прогулки близко к полуночи, а утром Костя, выходя из квартиры, обнаружил в подъезде отчаянно пьяного парня в шортах, сидя спящего на полу, уткнувшись лицом в свои мохнатые коленки. Это не был потерявший ориентиры, случайно забредший прохожий. Он ждал Свету, о чём объявил еле шевелящимся языком папе девочки. «Мужик, отвяжись, мне Светку надо». Сегодня барышню гулять не пустили, и она сидела в своём углу, замотав обиженную головку сетями интернета.

С закрытием химзавода не стало стабильной работы, зато прекратились вынужденные игры с непредсказуемым исходом: повезёт-не повезёт. Похоронят тебя пятидесятилетним пенсионером или пронесёт. Сейчас Костя на грузовой «газели» развозил продукты по магазинам. Когда он вступил в работоспособный возраст, завод уже сдал цеха в аренду под склады непонятным владельцам непонятно чего, но у него были водительские права. Повезло. Когда приехала Татьяна со своей идеей нести культуру в массы за скромное вознаграждение в виде добровольных пожертвований в «благотворительную коробку», как она сама обозначила материальную сторону своей музыкально-просветительской деятельности, он доставил пианино в нужную точку на своей машине, привлекая двух жилистых грузчиков с торговой базы. Месяц инструмент ночевал на улице и ни одной клавиши не выломали пьяные шаловливые ручки гуляющих по ночам мечтателей. Татьяна думала, что это свидетельство улучшения этического сознания местного и приезжего люда от услышанных чудесных звуков классической музыки. Может и так, но за фортепиано по просьбе Кости присматривали знакомые охранники из близкой кафешки. Хотя, по их свидетельству, никто пока не посягал.

Наверное, мы в своей оценке несправедливо занижаем уровень морали и интеллекта, на котором стоит и ходит народ. Случается, что исправный мотоцикл с ключом зажигания в замке, нечаянно оставленный хозяином без присмотра у подъезда на сутки, остаётся нетронутым. Бывает и растворомешалку на стройке кто-нибудь бескорыстно раскурочит. Несомненно, такое феноменальное явление – дело рук глупых озорников, составляющих исключительное меньшинство в нашем серьёзном обществе.

Часть II Andante

На другой день, закончив исполнение «Венгерского танца №3» Брамса, Татьяна почувствовала неодолимое желание обернуться, что она и сделала. На той же скамейке сидел «простой русский строитель» и смотрел ей в глаза. Видимо, секунду назад он смотрел ей в затылок, а когда она обернулась, получилось такое приветствие. Она кивнула ему и, сглотнув слюну, спросила:

– Что вам сыграть сегодня?

– Игратьте что вам по душе, а я послушаю.

Она замешкалась в выборе, но тут вмешались демоны. Так Татьяна про себя обозначила группу парней и девушек из какого-то кабака, дважды в день устраивающих шествие по аллее для завлечения людей на свои шоу. Наряженные в разноцветные костюмы фантастических существ, дрыгаясь и приплясывая, они тащили на тележке огромный макет бутылки, вокруг которой под оглушающие ритмы крутилась почти неодетая девица. В перерывах между ритмами задорно и складно, хором кричали всякие речёвки. Татьяна жалела этих ребят и девчат, хоть и прозвала их демонами. Они зарабатывали как могли. Других вариантов здесь не имелось. Труженики рекламы прошли, и стало возможным слышать друг друга. Мужчина заговорил:

– Меня зовут Алексей. Позвольте узнать ваше имя?

Татьяна назвала себя и засуетилась, словно ища, чем угостить неожиданного гостя. Неожиданно для самой себя бухнула на стол огромную сковороду.

– Бетховен. Симфония номер шесть. Пастораль.

Начав играть, подумала: «О Господи, зачем я это сделала? Почти час исполнения довольно сложной в восприятии вещи». Скоро на нотный лист упала дождевая капля, и Татьяна, поблагодарив Бога за экстренную помощь, положила руки на колени и обернулась к залу. Единственный слушатель улыбался.

– Однако не дают нам небеса наслаждаться симфониями.

Помог даме закутать пианино, и, когда дождь поливал уже всерьёз, они сидели в летнем кафе и сквозь стены, сделанные из хвороста, смотрели, как бурлит вода в лужах. Сосредоточенно крутя перед собой чашку с кофе, Алексей начал разговор с общей для них темы, послужившей поводом для знакомства.

– Надо признаться, Татьяна, что любовь моя к классической музыке довольно избирательна. У нас в Новосибирске есть концертный зал филармонии, есть даже театр оперы и балета. Я нигде не был. К Моцарту обратился в студенчестве, в строительном институте. Услышал, поразился, начал записи искать в разных музыкальных салонах и магазинах. Баха ещё люблю, его органные фуги. Бетховена, особенно девятую симфонию. Чайковского слушаю с удовольствием, когда придётся, но специально не собираю. Он вдруг рассмеялся:

– Я на стройке через колонку включаю «Рондо» Моцарта, когда дело спорится и всё идёт путём. Рондо для меня как бокал шампанского в праздничный день. А когда мои работяги чего-нибудь по пьянке набаламутят и приходится прибегать к лишению премиальных или к другим мерам, они «Реквием» слушают. Я знаю, в бригадах меня «дирижёром» кличут. Вообще-то приятно. Другим прорабам клички прикрепляются типа «домовой» или «уровень». Даже «шайтан» есть.

Татьяна слушала его речь, словно заглядывая в неведомые доселе места, хотя ничего исключительного он не говорил. Опасалась лишь того, чтобы какое-нибудь недоразумение не прервало эту прогулку. О себе сказала совсем малое: что выросла в этом городке, что в Бийске преподаёт в музыкальной школе, что нет у неё особенно любимого композитора, есть только отдельные сочинения, трогающие ум и сердце в минуты определённого настроения. Начала их перечислять, но вовремя остановилась. Семейной темы не трогали, и оба чувствовали, что нет здесь предполагаемого в их возрасте порядка.

Вода в лужах перестала кипеть от ливня, ещё немного побулькала от последних капель и совсем успокоилась, отражая редкие тучки и ветки клёнов. Алексей, не моргая, глянул в её глаза.

– Ах, Татьяна, а не прогуляться ли нам на озеро, пока погода позволяет. Там песок кругом, грязи уличной нет. Я сегодня даже не искупался, а время движется, скоро отпуску конец, мне через пять дней на работу.

Она медленно стянула с головы свой серый в белую крапинку платок, поправила упавшие на плечи волосы.

– Ну что ж, я согласная. В последний раз была на берегу лет двадцать назад. Алексей улыбнулся:

– Вы это сказали с такой интонацией, словно я вас на какое-то интимное, или как сейчас модно называть, на романтическое свидание приглашаю. Мы с вами в народ пойдём, посмотрите на своих слушателей, так сказать, в естественном виде.

Берег оказался уже довольно густо завален телами пляжников, словно они никуда не убегали во время ливня. Алексей направил движение в обход человеческого скопления, и медленным, прогулочным шагом они вышли на безлюдный каменистый мыс, полого спускающийся к воде. Это место приглянулось ему потому, что здесь можно ходить, не опасаясь наступить кому-нибудь на конечность, сидеть и думать о своём, не отвлекаясь на предъявляемые повсюду женские прелести. По этому поводу у него к сорокалетию сложилось суждение, что любоваться стоит достоинствами лишь той женщины, которая ему принадлежит. На остальных расходувать внимание вредно для самочувствия. Раздражают как фрукты в вазе, которые нельзя попробовать.

Два года назад Алексей стал холостяком, совершив довольно простую процедуру развода. Сейчас имел в Новосибирске подругу, но не жизни, а общей постели. На озеро не поехала, потому, что дважды побывала с ним на берегах, где шелестят пальмы, а не клёны, а в это лето Алексей был стеснён в средствах, и от предложенного алтайского вояжа она отказалась. Жили в отдельных квартирах, и строить общее гнездо не собирались. Щедрая и одновременно жадная в постели, она по своей натуре никак не могла разделять его увлечений, прислушиваться к его мыслям, заботиться о сбережении его хорошего настроения. Кажется, для того, чтобы совместная жизнь была в удовольствие, нужно совсем немного: двигаясь бок о бок по ровной тропинке, не лезть на обочину, где всякий хлам под ногами. Здесь было иное сознание. Алексей приходил к ней после нескольких дней холостяцкого одиночества, она повисала на нём и жарким шёпотом сообщала: «Старую тумбочку пришлось самой на мусорку вытаскивать, пока

ты со своими друзьями водку пил, а мне сказал, что на объекте занят». Готовый улететь в чувственные дали, он приземлялся и начинал искать оправдания.

В другой раз постель недоразумения не сгладила, и оно въелось в его рассудок сильнее. Юлия смотрела телевизор, Алексей в ванной подкручивал подтекающую на стыке трубу. Газовый ключ сорвался и с размаху рукояткой расплющил тоненький провод, идущий по стене к светильнику. Мастер, получив удар током, уронил ключ, упал на задницу и выматерился. Свет в квартире отключился. Из комнаты донёсся голос Юли:

– Лёшенька, что произошло? Тебя точком ударило? Ты упал?

Он не запомнил, что тогда ей ответил, но впечатление от этого эпизода в память въелось. Женщина, которой ты дорог, в подобном случае вопросов не задаёт, она бросается сама узнать, что с тобой случилось. Дурацкие мелочи.

К Татьяне его влекло непонятное для ума, далёкое от вожделения желание видеть и слышать эту женщину, а при необходимости заботиться о ней. Произошло это в один миг, когда он, проходя по аллее, увидел её карие глаза, мелькнувшие над корпусом пианино. Тогда он сел на скамейку и слушал всё, что она играла, дожидаясь возможности заговорить. В тот вечер не стал знакомиться, сработал какой-то тормоз. Наверное, испугался. С такими женщинами романы не крутят, на них женятся. И музыка здесь не при чём, а если и при чём, то где-то на дальнем месте. Если бы он усмотрел её не за клавиатурой, а со шпателем на подмостях, в заляпанной спецовке, исход был бы тот же: пройти мимо нельзя, нужно услышать её голос, нужно видеть, как она улыбается, садится, встаёт, ходит.

Неокатанные камни, устилающие подножие мыса, не позволяли свободно ступать или удобно лежать, что им и не требовалось. Постояли у кромки воды, глядя вдаль, на едва видимую нитку противоположного берега. Татьяна присела на плоский валун, Алексей разделся и вошёл в воду. Немного поплавал, потом просто лежал на спине. Плотный рассол позволял это делать, даже сложив руки на груди, не шевеля ногами. До этого ему никогда не доводилось лёжа в водоёме наблюдать облака, не заботясь о том, чтобы держаться на поверхности. Выйдя на берег, присел рядом с Татьяной. Солнце быстро высушило на нём воду, и на коже остался белёсый налёт соли. Она глянула и грустно улыбнулась:

– Мы в детстве с сестрой прибегали домой с озера совсем белые, нас мама в ванну под душ ставила и сама от соли отмывала. Ворчала, конечно, ну это как положено.

– Как сейчас твоя мама, жива-здорова? – спросил он осторожно.

– Двадцать лет на том свете. Внука своего, моего сына, здесь не увидела, может, оттуда наблюдает, – сделав долгую паузу, добавила: – Я в это верю. А иногда кажется, что заставляю себя верить и сама уже не знаю, где истинная вера, где по собственному принуждению.

– Разве можно верить по принуждению?

– По собственному можно. Я думала, что если выполнять все церковные правила, обряды, приобщаться к таинствам, то вера укрепитя и по Божьему провидению я стану легко относиться к нелепостям этого мира и с радостью ожидать перехода в мир иной. Не получается. Вот сейчас сижу с вами на берегу,

а на вечерню в церковь идти не хочется. А должно быть наоборот.

Она говорила, глядя на озеро, не поворачивая голову к Алексею. Солнце снизошло к дальнему берегу, оранжевый свет сделал её лицо загадочным и недоступным. Она принадлежала к выдающейся породе женщин, которые в юные годы выглядят невзрачными курочками с боязливым взглядом. Юноши на улицах на них не оглядываются, в компаниях уделяют внимание, когда самим приходит время выпасть в осадок. Эти женщины начинают изумлять и ода-ривать мир своей красотой, переступив своё тридцатилетие или ещё попозже. Давнишний муж по своей глупости не стал дожидаться этой благословенной поры, увлекшись какой-то объявившейся рядом с ним полногрудой чаровни-цей. Алексей сейчас смотрел на её профиль и боялся сказать слово неправиль-ное, чтобы не вспугнуть, не обидеть женщину, подарившую ему такую радость: слушать её грудной голос, любоваться линией высокого лба, чуть вздёрнутого носа, слегка выдающейся верхней губы.

Татьяна говорила о своих духовных исканиях, он извлекал оттуда нечаянно обронённые слова о мирских делах и, складывая их отдельно, скоро получил общее представление о сегодняшнем её положении. Иногда приходилось зада-вать вопросы и скоро стало понятным, что приехала она сюда для того, чтобы денег заработать и помочь сыну с долгом по ипотеке расплатиться. Даже сумму заработка выяснил: две-три тысячи в день иногда получается. Несколько дней назад «благотворительная коробка» с пожертвованиями вообще с асфальта ис-чезла. Его инженерный мозг просчитал, сколько у неё за всё лето получится, и выходило, что банковских акул такой рыбкой не накормить. С процентами по долгу нужно полмиллиона.

Его замотало от жалости к этой женщине, да не иносказательно, а натураль-но: он сидел, положив ладони на колени, полуприкрыв глаза, раскачиваясь из стороны в сторону. С ним бывало такое в минуты ощущения собственного бес-силія, когда он не знал, как немедленно изменить негодную ситуацию. Никогда никого так не жалел: ни бывшую жену, самым отторгнутую, ни нынешнюю под-ругу, обиженную на него за низкую оценку её выдающихся качеств. Разве что мать, но это совсем другое. Заметив, что она смотрит на него с лёгким испугом, перестал раскачиваться.

Из сквера донеслись приглушённые расстоянием синкопы чарльстона, а может, твиста. Пришло время выхода духового оркестра. Скоро они сидели на скамье и смотрели, как танцуют вальсы, польки и даже ламбаду неожиданно для самих себя осмелевшие дяденьки, тётеньки, дедушки и бабушки. Молодая поросль отрывалась на других скачках. Пожилые музыканты, выходцы из ДК «Химик», здесь не только зарабатывали, но и удовольствие имели, наблюдая как от их музыки людям становится хорошо. А танцующим и смотрящим было в удовольствие видеть, что хорошо музыкантам. Вот, оказывается, как несложно достигнуть гармонии человеческих отношений, не мудрствуя с социальными теориями и философскими учениями.

Гуляли по городку, направляя ноги куда глаза глядят, пока уже в совершен-ных сумерках не подошли к её дому. Алексей растерялся: поцеловать не смел, сказать просто «до свидания» как-то глупо. Подержал её ладонь в своей руке,

чувствуя, как пульс бьётся под тонкой кожей, и попрощался:

– Татьяна, спасибо за вечер, я верю, мы ещё увидимся.

Она исчезла за дверью, он отправился в пятиэтажку, где снимал однокомнатную квартиру, и всю дорогу разбирался сам с собою: «Стесняюсь, как подросток-пионер. Женщину нужно хоть немного приобнять на прощание, чтобы о моих руках до завтра помнила. Почему-то не сумел. Даже на «ты» не перешёл. Может быть, с ней именно так и надо? Тех баб, которые до моих рук будут охочи, я сейчас смогу найти в любом кабаке. Но я спать пойду, нечего тут блудить. Завтра Таня меня с Вагнером будет знакомить, я его до сих пор не знаю и не понимаю».

Часть III Menuetto-trio

С полудня до вечера Татьяна ожидала момент, когда её затылок почувствует его взгляд. Платок не повязала, чтобы вдруг не помешал тайным вибрациям. Не дождалась. «Демоны» уже дважды проскакали, голый по пояс пьяный пляжник полчаса надоедал, предлагая сыграть в четыре руки «Испанскую рапсодию» Листа. Руки пианиста были густо увиты цветными татуировками в виде оскаленных образин, и она еле от него отвязалась. В остальном день прошёл без событий, с неожиданным ощущением одиночества. За несколько часов, проведённых рядом с Алексеем, стала привыкать к его вниманию. Музыка не выручала, все мысли крутились вокруг его лица и вопроса «почему?». На обратном пути остановилась перед церковью, перекрестилась, но внутрь не вошла, потому что была с непокрытой головой, а платок с собой не взяла. Вялым шагом двинулась дальше и вдруг на обочине, между декоративными камнями, выложенными вдоль дороги, увидела тело Алексея.

Он лежал навзничь, предъявляя прохожим и небесам лицо сизого цвета. Грудь вздымалась, значит, живой. Татьяна склонилась над ним, и запах перегара чуть не уложил её набок рядом с дыхателем. Татьяна пошевелила его за плечо, тело моталось безответно. Трясла за подбородок, за ухо, и открылись мутные глаза, он её увидел и явно узнал, потому что, перейдя в сидячее положение, стал махать рукой, повторяя:

– Не надо, Таня, не надо, уйди, Таня, уйди.

Она стала поднимать его на ноги, взяв сзади под мышки, но груз был не по силам. Плачущим голосом просила:

– Лёша, вставай, помогай мне. Ты же умный, ты сильный, давай, вставай.

Умаявшись, отпустила и вылила на его голову бутылку минералки, удачно залежавшуюся в сумке. Чудо случилось: ей удалось поднять его на ноги и, закинув одну руку себе на плечо, через голову, взяла курс к дому. Критическое сознание отключилось, сейчас она думала лишь о том, как удачнее двигаться и самой не споткнуться. Вернее, ничего не думала, просто волокла на себе бессильное мужское тело в укрытие. Никакое другое событие в её жизни, разве что роды, не могли сравниться по тяжести с этим жизнеутверждающим броском на триста метров.

Дверь по-сельски изнутри не заперли, и она, толкнув её ногой, вошла с но-

шей в прихожую. Шаркающими шагами проволочлась через залу в свою комнату, успев заметить деревянные лица Вали и Кости. Посадила Алексея на кровать, но тот вдруг опять ушёл в несознанку, сполз на пол и там устроился на коврике, подтянув колени к животу. Сама обессиленно села на стул и отдыхивалась, ни о чём не думая. В комнату опасно проникли хозяева квартиры. Молча смотрели то на неё, то на тело. Наконец Валя нашла слова:

– Таня, а это чего?

– Это Алексей.

В разговор сестёр вступил Костя:

– Ну, если Алексей, то всё нормально, всё путём, а как же ещё может быть. Это вам не какой-то Вовчик, это ведь Алексей.

Валя потянула его за локоть:

– Пойдём, Костя, не будем мешать молодым, у них свои заботы, нашими стариковскими мозгами уже не понять. Светку пока можем на поводке держать, а тут другие дела, можно сказать, почти взрослые.

Они удалились, чуть погодя вышла Татьяна. Костя сидел у телевизора, Валя гремела на кухне, туда же сунулась отважная преподавательница.

Виновато заговорила:

– Валя, это ненадолго, он придёт в себя и уйдёт. Нельзя его на улице оставлять в таком состоянии. У него временное затмение.

Сестра любопытствовала:

– И давно вы знакомы с этим Алексеем?

– Со вчерашнего. Весь вечер вместе гуляли, – она засветилась, – весь город обошли, он меня до дома проводил. Классическую музыку любит, а сам прорабом на стройке работает. В Новосибирске.

– Ух ты, – впечатлилась сестра, – вы со Светочкой прямо в одни погремушки играете. Только у неё ухаждёр под дверью всю ночь валяется, а ты на правах тёти аж в комнату приволокла. Пусть пока полежит, может, потом и сгодится. Ты вообще соображаешь, чего делаешь?

Она махнула рукой и принялась ожесточённо шоркать на тёрке морковь.

Весь вечер Татьяна, лёжа на нерасправленной постели в домашнем халате, читала книжку, найденную на полке племянника. Какой-то Мураками учил читающую молодёжь планеты, как можно стать счастливым, крутя руль «тойоты» под джазовые экспромты, летящие из автомобильного радио. Спорить с японцем она не собиралась, даже заочно. Ознакомилась и ладно. За окном стемнело, когда с пола раздался протяжный, шумный выдох. Поглядела туда и обнаружила рядом с койкой сидячий монумент. Через мгновение памятник ожил и голосом Алексея спросил, где здесь туалет. Проводила его куда надо и вернулась в комнату. В зале, где спали супруги, света не было, но слышался шёпот. Потом слышались шаги, журчание воды в ванной. Значит, пил и лицо умывал. Появился в дверном проёме и убитым голосом спросил:

– Я, что ли, сам сюда приволокся? Давно это случилось?

Она скромно прояснила:

– Почти сам. Вы на улице спали, я помогла сюда добраться, потому что адреса вашего не знаю.

– Ой, какой позор. Вы простите меня, идиота, я пойду. Дорогу отсюда помню.

Она шмыгнула за ним, открыла входную дверь. Ступив за порог, он обернулся.

– Ещё раз прошу, это самое, простите, а?

Речь была лишь частично связанной. Она ответила традиционной фразой:

– Да ладно, с кем не бывает.

Он потряс головой.

– Да много с кем не бывает, а вот со мной запросто. Женщина тацит по улице. Позорник. Ладно, пошёл.

Оставшись одна, долго сидела за письменным столом, перекладывая нотные листы из одной папки в другую, настраивая себя на завтрашний день, но думалось всё-таки о человеке, ушедшем в ночь. Случилось странное: послужив ему опорой, теперь чувствовала с ним почти родственную близость. Ещё маячило какое-то неясное, эфемерное предчувствие близких перемен: то ли фронт грозовой приближается, то ли жара изнуряющая снизойдёт на места, где она пребывает, а может процентные ставки за ипотеку изменятся. Всё одно: прискучило существование, собой же огороженное жёсткими правилами, взятыми из церковного учения. Смирение, самоотвержение своей женской сущности, изгнание из головы даже мыслей о земных радостях, которые однозначно обозначила греховными. Выходить из церкви позыва не было, захотелось лишь выглянуть за забор. Может, там найдётся для неё отрада сегодня, а не в ожидаемом, запредельном мире?

Алексей в это время брёл к своему арендованному жилищу, медленно возвращаясь к почти нормальному состоянию мозга, которого, впрочем, достигнуть пока не было физиологической возможности. Вот светится разноцветными гирляндами фасад бара с безобидным названием «Искатель», куда он вчера сподобился заглянуть после прощания с Татьяной. Показалось скучным и грустным лечь в койку после прогулки с чудесной женщиной. Что же он нашёл там, в домике с романтическим названием? После нескольких рюмок коньяка нашёл увлекательный разговор с миленькой девушкой. Поутру нашёл её в своей постели. Чтобы избавиться от ощущения себя как скота, снова пил. Вначале с этой дерзкой девицей, потом один, потом с неизвестными личностями в каком-то дворе. В конце исканий нашёл своё тело лежащим на полу у ног Татьяны.

О том, что пить ему нельзя вообще, он понял несколько лет назад. Постоянной, неудержимой тяги к выпивке не было, но стоило ему влить в себя хотя бы одну рюмку, просыпалось какое-то звериное желание второй, третьей и так далее. Потом тело двигалось без участия сознания или вообще не двигалось. Осознав такое свойство своего организма, научился жить по несколько месяцев трезво и чувствовать себя вполне комфортно.

Алкогольный бес периодически выглядывал из своего подпола и начинал увещевать разными хитроумными способами, в зависимости от обстановки. Если день складывался успешно, он дружески радовался за Алексея: «Ну, сегодня ты заслужил, можно и расслабиться слегка. Завтра всё рассосётся, снова бу-

дешь весел и энергичен. По чуть-чуть, с хорошими людьми, за дружбу и удачу». Если где-то нервы потрепал, и дураки поперёк дороги встали, бес сочувственно обнимал его за плечи и нашёптывал: «Да пошли они все... Сколько можно мозги свои растрчивать, чтобы дело шло по уму, а не через задницу. Пусть сами попробуют, а ты маленько отдохни, ты не железный дровосек». Чаще всего Алексей сразу загонял беса опять в подпол и крышку придавливал тяжёлым аргументом: «Сегодня я не пью». Но стоило ему прислушаться или начать с ним спор, всё, он выпадал из разумной жизни на несколько дней, падая с разбега в спиртной омут. Бес хитрее и изворотливее. Разговаривать и спорить с ним нельзя ни в коем случае.

На этот раз поутру разум и опыт помогли избежать опохмеляния. С бесильным организмом, подавленным разумом и кровавой раной на месте совести, лежал на кровати. Бес что-то вякнул насчёт лекарства в виде бутылки пива, получил пяткой по темечку и больше не высовывался из своего погреба. Большой знал, что если он сейчас полечится пивом, то хворь возобновится на следующий день, причём в более тяжёлой форме. Чтобы чем-то отвлечься от невыносимой тяжести бытия, смотрел по телевизору бесконечные ток-шоу, где мужики с вроде бы умными лицами обсуждали тему, как Европа задыхается в тисках собственных санкций супротив России, объявленных по наущению вероломных Штатов. Одни умники говорили, что Европа ещё немного протянет, другие, перебивая их, утверждали, что ей, несчастной, совсем каюк пришёл. Попал на передачу про наши успехи в развитии промышленного туризма. Там дородная тётка, нежно обнимая внука-первоклассника, светилась радостью, рассказывая о посещении металлургического завода в Нижнем Тагиле. Алексей, улыбаясь, стал примеривать себя на место довольной тётки. Вот куда нужно было свою новосибирскую подругу тащить. Она бы рыдала от счастья, увидев настоящую доменную печь. «Раз улыбаюсь, значит, возвращаюсь к жизни», – явилась первая положительная мысль.

Запиликал телефон. Достал его из-под кровати и глянул сообщение. «Улетела в Индонезию знакомиться с островом Бали. Целую. Юля». На душе ещё больше посветлело. Подумалось: «Вот как всё удачно определяется. Значит, нашла состоятельного мужичка. Не нужно будет никаких примирительных встреч, разборок. Кому-то надо с островом знакомиться, а мне с Вагнером».

К четырём часам дня, похлебав рассольник в столовой, стоял, прислонившись к дереву, поодаль от концертной площадки. Музыка почти не слышал, лишь наблюдал нежное прикосновение её пальцев к клавишам. Насмелившись, всё же сел на «свое» место, рядом с двумя пожилыми женщинами. В очередную паузу она обернулась и серьёзно ему кивнула. Просторная длинная юбка по-прежнему укрывала её ноги до щиколоток, но русые волосы без платка вольно рассыпались по плечам.

Вечер был похож на позавчерашний, но только внешне, по тем местам, куда они опять направили свои стопы. В кафе Татьяна хотела взять свой привычный пирожок и чай, но Алексей возмутился:

– Таня, давай нормально покушаем, я ещё в силе оплатить ужин со своей женщиной.

Она удивлённо глянула на него, но против «своей женщины» не возразила, уткнувшись в меню. Вернула ему цветную картонку.

– Выбирай сам, я не совсем понимаю, чего нам здесь предлагают.

Легко и непринуждённо начали говорить друг другу «ты», словно совершили интимный шаг, сделавший их совершенно близкими.

В сумерках сидели в дворовой беседке, увитой хмелем, как и двадцать лет назад, когда здесь умер отец Татьяны. Говорили о многом, щедрыми горстями разбрасывая слова, но вчерашнего безумия Алексея не трогали. Она чувствовала, что этот сюжет испортит сегодняшнюю пастораль. Вышла из дома Валя, направляясь в огород за свежей зеленью и, заметив пару, умильно закудаhtала:

– Ой, да что ж вы тут комаров кормите, зашли бы в дом, поужинали. Таня, ты чего как не хозяйка, приглашай Алексея.

Не дождавшись ответа, поспешила к своим грядкам. Татьяна не объясняла, каким образом Алексея здесь знают. Он сам догадался. Когда прощались при свете уличного фонаря, Алексей осмелился её обнять и поцеловать. Засыпая в своей бывалой постели, вспоминал мягкую чувственность её губ, а она в это же время растроганно вновь и вновь ощущала уколы его трёхдневной щетины. Непривычная к подобным испытаниям кожа лица долго горела от этой тёрки.

Часть IV *Allegro assai*

Через три дня Татьяна стала привыкать к эдаким шершавым прикосновениям после заката солнца, на скамеечке в беседке. Остановиться на этой ступени отношений было легко по той простой причине, что Алексей на свою арендованную жилплощадь её не приглашал, а других уединённых мест здесь для них не существовало. Решившись на исповедь, она покаялась пожилому попу в своём греховном соблазне целоваться с мужчиной, будучи с ним невенчанной. Батюшка утешил её, разъяснив, что в самом поцелуе греха нет, если она воспринимает сей поступок как проявление христианской любви к ближнему своему, и строго предупредил, что переход к супружеской близости невозможен без таинства венчания. А поцелуй... Ну что ж, и монахини целуются с мужчинами в светлый день святой Пасхи. Она намеревалась объяснить, что это вовсе не пасхальное христосование и мужские руки по-хозяйски изучают изгибы её тела, но не сделала этого и, причастившись, просветлённая отправилась на каменистый мыс. Очень хотелось опробовать купленный накануне купальник и услышать оценку ближнего своего.

Последний раз обнялись и поцеловались на автостанции, когда она провожала Алексея в Новосибирск. Две недели отпуска закончились. После он звонил ей каждый день по утрам и вечерам. Через трое суток наступило молчание, и ответом на её звонки были длинные гудки. Ещё неделю она жила по заданной программе. Утром шла в церковь, во второй половине дня садилась за клавиатуру, вечер встречала и провожала с книжкой в беседке. Выглядела живой иллюстрацией фразы царя Соломона: «Всё суета и томление духа». Иногда говорила по телефону с сыном Витечкой, односложно отвечала на слова Валентины, тревожно наблюдавшей за состоянием сестры и пытавшейся её расшевелить.

Однажды в сумерках, когда читать стало невозможным, собралась уходить из беседки в дом, зазвонил телефон, а на дисплее высветился его номер.

Алексей странно замедленным голосом извинился за свою телефонную недоступность в последние дни. Объяснил, что причиной тому послужило лёгкое сотрясение мозга в результате небольшой производственной аварии. Вначале обрадованная, что слышит его, после этого сообщения она забеспокоилась.

– Что случилось? Как сейчас твоё состояние?

Его голос мягко зазвучал чувствительным гобоем:

– Ах, Таня, Таня, как приятно, что ты переживаешь за меня. Всё нормально, только иногда головокружения случаются, но это ничего, пройдет, через пару дней, наверно, выпишут из больницы.

Неожиданно у неё вылетело:

– Я приеду к тебе, ты скажи, где сейчас находишься?

Гобой отзвучал, в его речи послышались категорические медные интонации:

– Таня, не нужно этого, я всё обдумал и решил. Управлюсь с делами и сам к тебе приеду. Возвращайся в Бийск, там встретимся. Извини, говорить трудно, мне чего-то сонного вкололи. Целую ручки. Пока.

Алексей положил мобильник на больничную тумбочку, повернулся набок и провалился в химический сон. Десять дней назад, появившись на работе, в прорабском вагончике, Алексей, приняв от мастеров дежурные комплименты по поводу своей бодрой, загоревшей физиономии, стал выяснять, чего без него сделали как следует, а чего не получается. Особенно старался докладывать Валера, заменявший его на время отпуска. Вместе с ним отправились по этажам будущего жилого здания, чтобы увидеть наяву хорошее и плохое. Больные места объекта из головы прораба никуда не исчезали, и они прошлись по этим местам, но особый сюрприз ожидал его на самом верхнем, двенадцатом этаже. В несущей стене, разделяющей две квартиры, он обнаружил арочный проём, уже оштукатуренный. Прошёл под аркой туда и обратно, потрогал угол и спросил у Валеры, что это за шедевр. Тот вначале замаялся, потом объяснил довольно сбивчиво и невразумительно, что некий богатенький вкладчик захотел соединить две квартиры в одну и вышел с такой настойчивой просьбой-предложением на директора.

Нужно объяснить, что сию ответственную должность в их строительной компании занимал молодой человек тридцати лет от роду, учащийся заочно в строительном институте и по совместительству являющийся любимым племянником видного деятеля городской думы. Видный деятель совсем недавно сам был хозяином этого мощного предприятия, но, увлекшись государственными делами, сделал вынужденный реверанс в сторону закона и посадил в своё директорское кресло розовощёкого крепыша, которого вроде совсем недавно шутейно подкидывал к потолку. Крепыш, в общем-то, с управленческими делами справлялся, конечно, под дядюшкиным присмотром, но иногда начинал своевольничать, как в этом случае с проёмом в несущей стене.

Алексей натурально взлаял:

– Ты сам, инженер долбаный, соображаешь, что может случиться? Ты всё соображаешь. Плита перекрытия лежит на этой стене, а теперь она ослаблена

из-за прохода. Торцы плиты опираются на внешние стены, а внутренняя стена уменьшает давление. А сейчас она ни хрена не разгружает. А ещё я перед отъездом видел, что плиты перекрытия бракованные привезли, где-то в полцены взяты. Я отказался их принимать и уехал. Уж не те ли плиты положили? Ты смотрел?

Валера растерялся:

– Да вроде бы те плиты увезли, здесь нормальные положили.

Через час Алексей сидел в директорском кабинете и говорил примерно то же самое, за вычетом матерных аргументов. Перспективный управленец растерянности своей не выдал, выслушал прораба внимательно, вертя в пальцах сувенирную авторучку, и произнёс ответную речь:

– Алексей Иванович, я, конечно, понимаю вашу озабоченность по поводу этого отступления от рабочего проекта, но вы должны принять во внимание, что мы вынуждены откликнуться на просьбу этого заказчика. Он очень серьёзный вкладчик и помогает нам решить ряд вопросов, касающихся отношений с «Ростехнадзором», взаимодействия с «Новосибводоканалом» и другое. Стабильно финансирует строительство, а это сейчас очень важно. Скажу по секрету, надеюсь это только между нами – ему принадлежит целый подъезд будущих квартир. Ему нужна квартира из семи комнат, а таких проектом не предусмотрено. Вот мы и пошли, так сказать, навстречу. Там ещё нужно будет туалет и ванную в одной квартире убрать, а в другой наоборот расширить, чтобы джакузи получилась.

Прораб ошалело смотрел на директора.

– О ё-ё-ё, какая джакузи, если перекрытие рухнет, тела в морге будут мыть, а не в джакузи. Мне первому придётся отвечать, вам второму. А может, и наоборот.

– Алексей Иванович, не обостряйте, нагрузка на стену минимальная, потому что этаж верхний, – он сделал паузу, решаясь на что-то исключительно серьёзное, и всё-таки насмелился:

– Заказчик пошёл на материальное стимулирование решения этой задачи. Выделил средства на премиальный фонд. Полмиллиона прорабу, готовому осуществить перестройку верхнего этажа. Я привлёк проектировщиков, они сделали перерасчёт нагрузки и дали положительное заключение. Козе ясно, что расчёты рабочего проекта делаются, так сказать, с запасом.

Пока директор говорил, Алексей закачался из стороны в сторону по малой амплитуде. Вышел из кабинета с раздраем в мозгах и весь вечер крутил проблему так и эдак. Полмиллиона – это серьёзный стимул для него, собирающегося снова надеть костюм жениха, но если произойдёт обрушение потолка, рухнет вся его жизнь. Проектировщики уверяют, что всё будет нормально, но, возможно, что их уже премировали. Вполне вероятно, что плита держится пока без боковой подпорки и ей не хватает нескольких килограммов дополнительного веса, чтобы сложиться. А сам будущий хозяин нормальный человек или псих? Посмотреть бы на него, наверное, интересный тип. Может быть, какой-нибудь бывший альпинист, нынче заживевший, хочет снова изведать свою судьбу перманентным экстримом.

Утром принял решение испытать перекрытие и дал распоряжение положить на него банку из-под раствора. Сам отправился в чудесную квартиру смотреть результат. С порога никаких деформаций не проглядывалось. У стены стояли подмости, мешающие видеть, нет ли трещин в штукатурке. Сделал шаг вперёд, и рухнувший потолок не дал ему возможности запомнить этот незаурядный эпизод в истории местного жилищного строительства. Очнулся лежащим в банке из-под раствора, слегка покачиваемой на ветру. Весь не помещался, ноги, согнутые в коленях, свисали со стенки наружу, под головой ощущалось что-то мягкое, наверное, подложили свёрнутую подушечкой чью-то спецовку. Вокруг порхали равнодушные голуби. Кран опустил банку рядом с машиной скорой помощи. Работяги положили прораба на спецносилки, помогли санитару впихнуть их в машину, и он уехал в клинику для поправки здоровья. В дороге, отвечая на какие-то вопросы сидящего рядом врача, почувствовал, что плохо слышит. Ужасно болело левое ухо. Потрогал его, посмотрел на пальцы – кровь. Позже на больничной койке понял, что произошло.

Рухнувшие набок подмости саданули его по голове слева. Удар пришёлся по уху и барабанная перепонка лопнула. Вот откуда была кровь, вытекшая из ушного отверстия. Ещё он осознал свою удачу в том, что не успел сделать второй шаг к проблемной стене. Иначе его мозг как объект для томографии перестал бы существовать. С пола соскребли бы студенистые ошмётки вперемешку со строительным мусором, чтобы в гроб положить для комплекта.

Осень в Бийске выдалась тёплая и сухая, дожди не донимали. Берёзы не успели пожелтеть, осины покраснеть, листва лишь немного повяла. Клёны красовались в своих летних нарядах, когда в середине октября обильный снег щедрой россыпью лёг на зелёную листву. Татьяна красоту замечала, но восхищаться не могла, озабоченная своим пошатнувшимся душевным покоем и неопределённостью женской доли. Использовала любую возможность навестить Витечку с беременной снохой Сонечкой, хотя понимала, что частые её визиты становятся для них лишней заботой. Денег, что она заработала в Яровом и отдала им, хватило на погашение лишь пятой части долга по ипотечному кредиту.

По воскресеньям пела в церковном хоре, но зачастую просто заставляла себя идти на литургию, чтобы отвлечься от давящих мыслей. Телефонные разговоры с Алексеем просветлению не помогали. Видимо, он не хотел нагружать её подробностями своих текущих дел, довольно кратко рассказывал о своих нежных чувствах и обнадёживал, как мог, что скоро всё разрешится как следует и они встретятся. Она уже стала забывать его колющие поцелуи и жёсткие, чуткие ладони. Перед воскресной утренней литургией смотрела текст акафиста, который до сих пор петь не доводилось, когда заиграл телефон. Праздничный голос Алексея сообщил, что он выехал из Новосибирска поездом и через шесть часов будет у её ног. Она узнала у него номер вагона, время прибытия и, сказав своим певуньям, что сегодня они восславят Господа без неё, умчалась домой готовить ужин и ещё раз примерять новое платье.

В назначенное время встретила его на выходе из вагона. С дорожной сумкой на плече шагнул на асфальт, без слов обнял её и поцеловал в щёку.

Татьяна запела, поглаживая его лицо:

– Ой, какой ты сегодня гладкий.

– В поезде побрился, чтобы тебе было приятно.

– Ну и зря. Я два месяца живу воспоминанием о твоей щетине.

Он восхитился:

– Да ты, оказывается, смелая девчонка.

И тут же озабоченно:

– Ну, веди на остановку. Или на такси поедем?

Её дом находился в десяти минутах ходьбы от вокзала, и, пока шли, она узнала его расклады на настоящее время: с работы уволился, продал квартиру и машину, прибыл для того, чтобы продолжать свою жизнь вместе с ней. В прихожей сняла пальто, и он увидел её в платье, открывающем колени, с широким и низким вырезом на груди. Отступил немного назад и попросил немного постоять, не двигаясь. В комнате она усадила его в кресло и занялась беготнёй на кухню и обратно, накрывая стол. Алексей её остановил.

– Таня, не суетись, давай по-простому, на кухне присядем.

За ужином, когда она рассказывала о делах сына, он поворачивал к ней голову правой стороной, чтобы лучше слышать и косился непрерывно на полуоткрытую грудь, на голубые прожилки, проступающие сквозь кожу. Заметив её недоуменный взгляд, объяснил:

– Да, Таня, теперь у меня только одно ухо рабочее. Можно сказать, стал слабослышащим. Ничего, привыкаю. Всё, что мне надо я услышу, а если слышать не хочу, то левой стороной поворачиваюсь и уже легче через эту дрянь перескочить. Даже некоторое преимущество имею перед людьми с полноценным слухом, вынужденными слушать всё подряд, надо им это или не надо. Она протянула руку через стол и погладила его по глухому уху.

– Шибко больно было? Как сейчас?

– Уже не болит, видать, зажило, зарубцевалось. Теперь о насущном. Я приехал к тебе не только венчаться, хочу наши жизни на другую территорию перенести. В Абакан поедем, там поселимся. Простые русские строители сейчас везде востребованы. Пианистки тоже. Там квартиры много дешевле, чем в Новосибирске. Денег хватит, ещё останутся. В эту квартиру твой сын переедет, а свою долговую сдаст банку по остаточной стоимости. Как ты думаешь?

Она опустила голову:

– Ну, что ж, я согласная.

Алексей улыбнулся:

– Узнаю фразу, ну прям как в Яровом, когда я тебя на озеро позвал. Курить выйду на балкон. Можно?

– Кури здесь, хоть мужским духом в квартире запахнет. У меня вопрос, а почему в Абакан?

– А просто так, новую жизнь будем начинать с буквы «А». Вообще-то у меня там брат, он поможет с устройством и покупкой квартиры. Устраивает?

– Я согласная, – поставила перед ним чистое блюдо. – Это пепельница, я потом помою.

Выходя из кухни, вдруг развернулась и, обняв его за шею, положила подбородок на макушку. Постояла, замерев, потом отпустила и бесшумно исчезла.

Покурив, Алексей вышел в комнату и увидел, что она расстелила постель, явно на двоих.

– Это как понимать, Таня, грех ведь, невенчанным.

– Бог простит, Лёша, мы никому зла не делаем.

– И то правда, где ему столько праведников набрать, чтобы рай заселить.

Больше разговоров не было до самого утра, наступившего для них ближе к полудню. Проснулись одновременно, и Татьяна, распластавшись на его груди, задумчиво объявила:

– А у меня к новому году внук родится. Я почти бабушка.

Алексей положил руку на её голову:

– А у меня есть семнадцатилетняя дочь и, наверно, я тоже скоро смогу похвалиться внуками. Таня, Таня, а тебе сколько лет?

– Лёша, Лёша, мне через полгода, в апреле, будет сорок.

Он встрепенулся:

– Милая, да ты ещё сможешь мне наследника родить. Эта самая, как её, ме-нопауза ведь ещё не наступила?

– Нет, милый, я ещё годная к материнству. Но учти, если девочка родится, на вторую попытку я уже не успею.

Повернув голову набок на его груди, как на подушке, посмотрела на настенные часы и потянулась с истомою.

– Ах, как подниматься не хочется, а нужно на работу потихоньку собираться. Сегодня у меня в три часа занятия с начинающими детьми по нотной грамоте.

Она начала сползать с его тела, но была остановлена начальственной рукой.

– Успеешь, у нас теперь общее дело. Сына родить – это тебе не урок по нотной грамоте провести.

Перешагнув за половину времени, отпущенного ему для жизни, Алексей вдруг понял, что поступков как таковых он не совершал. Учился в школе, достигнув призывного возраста, явился по повестке в военкомат. Отслужив, подал документы в институт и успешно его закончил. Пришло время жениться, выбрал девушку приглядную и стал семейным человеком. Перестала жена устраивать – развёлся. На работе все принимаемые решения были в рамках правил, выработанных опытом предыдущих поколений строителей.

В его памяти маршировали шеренги людей, появившихся на этот свет, состарившихся и ушедших на тот свет, ни разу не вышедших из строя. Возможно, после травмы в сознании поселилось понимание конечности своей жизни, ему стало тошно от этого упорядоченного движения и захотелось пройтись самому, по своей воле, даже если никто и не заметит и не оценит его поступка. Ему казалось, что именно тогда его жизнь обретёт какую-то ценность, хотя бы для самого себя. И, конечно, для женщины, которую он берёт с собой.

Через три дня, в завершение обряда венчания, трижды проведённые священником вокруг аналоя, они вышли в мир законными мужем и женой. Свидетелями выступали её знакомые мужчина и женщина из музыкальной школы. В праздничном застолье приняли поздравления от подруг и друзей Татьяны, без участия сына и снохи, что было, в общем-то, нормальным. Спиртного Алексей

себе не позволил, хотя бес пару раз пытался ему чего-то шепнуть, но жених не услышал. Может, в глухое ухо шептал, а скорее всего, молодому просто не хотелось искусственной подмены праздничного настроения.

Проводив гостей, сидели в кресле вдвоём, причём Татьяна уютно расположилась на коленях мужа, на правах хозяйки.

Печально шептала:

– Как ты теперь, наполовину глухой, будешь слушать свою любимую сороковую симфонию? Ты меня утешаешь, что слышишь всё, что нужно. Я вчера специально включила музыку и одно ухо себе заткнула. Уже не всё как надо воспринимается.

Он сжал её коленку:

– Теперь ты для меня симфония. Я, кстати, не совсем понимаю смысл и назначение всех этих четырёх частей в классическом построении.

Татьяна обрадовалась:

– Вот я сейчас тебе и объясню. На нашем примере. Часть первая, аллегро модерате, это действенное начало. Радостно, но всё же в сдержанном темпе. Это представление, выступление двух личностей, которые друг друга не знают, и каждый живёт своей жизнью. Вроде неплохой, но всё же слышится трагизм одиночества, – она расстегнула одну пуговицу на его рубашке. – Часть вторая, анданте. Происходит знакомство двух личностей. Темп медленный. Они чувствуют непостижимое разумом влечение, но их сближению мешают какие-то сдерживающие силы, сомнения, исходящие из них же самих, – она расстегнула вторую пуговицу. – И вот часть третья, менуэтто-трио. Задумчивый темп, где слышится драма борьбы света и тьмы. Когда казалось, что колебания преодолены и мы готовы шагнуть друг другу навстречу, вмешивается какая-то третья, тёмная сила. На самом деле эта жуткая сила только помогает двум личностям понять, что дальнейший путь возможен только вместе, – она расстегнула третью пуговицу. – И наконец, часть четвёртая, аллегро ассаи. Темп быстрый, тем не менее уравновешенный. Трагическое одиночество отступает, борьба с тёмными силами заканчивается гимном взаимной любви, – она расстегнула четвёртую пуговицу, проникла рукой под рубашку и обняла его. – Мы уже не смотрим друг на друга из разных углов.

Алексей вздохнул:

– Как красиво рассказала. Теперь Моцарта своими словами будешь мне объяснять. Значит, я не ошибся – любимую симфонию нужно не только слушать, но и чувствовать.

Через несколько дней, пройдя сквозь здание Абаканского вокзала, они увидели улицу незнакомого города. Зажмурились от крепкого степного ветра, несущего хакасскую пыль. Здесь ещё не выпал зимний снег.